
**«...ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ В ВОЗМОЖНОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ДВОРЦА И СОДЕЙСТВОВАТЬ ЭТОМУ ВОССТАНОВЛЕНИЮ...».
ДОКУМЕНТЫ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ТУРОВЫХ**

В. Ф. Плауде

Аннотация: Тема эвакуации музейных ценностей из пригородных дворцов Ленинграда достаточно изучена. Существует ряд серьезных изданий, выпущенных музеями и частными лицами, посвященных этой странице Великой Отечественной войны, в которых подробно освещены трудности, связанные с сохранностью национального достояния в этот тяжелый период. Однако значительный пласт источников личного характера, имеющих фактологическую ценность, не введен в научный оборот. Данная статья построена на личных письмах В. В. Лемус к Е. Л. Туровой из Сарапула, где в 1941–1945 гг. находились произведения искусства из дворцов-музеев г. Пушкина. Документы, хранящиеся в личном архиве семьи Туровых, освещают вопросы эвакуации с неофициальной стороны, что является важным моментом в изучении этой темы.

Ключевые слова: Воспоминания; личные письма; музейные ценности; пригородные дворцы; эвакуация.

**«... I WANT TO BELIEVE IN THE POSSIBILITY OF RESTORING
THE PALACE AND CONTRIBUTE TO THIS RESTORATION...».
DOCUMENTS OF THE FAMILY ARCHIVE OF THE TUROVS**

Annotation: The evacuation of museum valuables from the Leningrad suburban palaces has been sufficiently studied. There are a number of serious publications issued by museums and individuals that are dedicated to this page of the Great Patriotic War. However, a significant layer of personal sources with factual value has not been introduced into scientific circulation. They cover in detail the difficulties associated with the preservation of the national heritage during this hard period. This article is based on the personal letters of V. V. Lemus to E. L. Turova from Sarapul, where the pieces of art from Pushkin palaces-museums were stored in 1941–1945. The documents from the personal archive of the Turov`s family cover the issues of evacuation from the unofficial side, which is very important in the study of this theme.

Keywords: Memoirs; personal letters; museum valuables; suburban palaces; evacuation.

Тема эвакуации музейных ценностей из пригородных дворцов Ленинграда достаточно изучена. Существует ряд серьезных изданий, выпущенных музеями-заповедниками «Царское Село», «Павловск», «Петергоф», посвященных этой теме, а также напечатанные в 2020 г. «Сохраняя наследие» (г. Новосибирск) и «Особый груз» (г. Сарapul), в которых подробно освещена тема эвакуации экспонатов в годы Великой Отечественной войны в эти города. Данная статья построена на воспоминаниях и личных письмах В. В. Лемус (рис. 1) к Е. Л. Туровой (рис. 2), которые хранятся в архиве семьи Туровых и освещают тему эвакуации не с официальной стороны.

Рис. 1. В. В. Лемус

Рис. 2. Е. Л. Турова

По воспоминаниям И. Л. Гириной-Сомовой – сестры научного сотрудника, хранителя архитектурных сооружений дворцов-музеев и парков г. Пушкина Е. Л. Туровой, – последним указанием райкома партии для оставшихся научных сотрудников-коммунистов было не покидать города при вступлении немецких частей, чтобы предотвратить гибель невывезенных музейных ценностей. Предписано объяснить немцам, что работники дворца – люди нейтральные, чуждые войне и политике, их единственная задача состоит в том, чтобы не пострадали памятники культуры. Когда уже шли бои за парк, кто-то, знавший об этих указаниях, успел предупредить: «Уходите немедленно! В Слуцке [так до 1944 г. назывался Павловск. – В. П.] всех коммунистов вешают на фонарях...». [1, с. 2].

С собой в осаждаемый город из оставленных домов взять не успели практически ничего. И. Л. Гириная, уехавшая в Ленинград немногим раньше, вспоминала: «Мы торопились, сказали брать с собой все необходимое. Поискав глазами вокруг, я взяла мамину шерстяную кофту и Лешины кубики» [2, с. 2].

Е. Л. Турова, В. В. Лемус и Т. Ф. Попова [3, с. 2] покинули Пушкин 16 сентября, накануне начала оккупации города. В этот день они пришли в Исаакиевский собор. Тема эта достаточно изучена, хочется только отметить, что с сотрудниками, работающими в соборе (в то время – Антирелигиозный музей) [4, с. 2], прожили до лета 1942 г. дети: Гарик и Рита (дети Вейсов, сотрудников Павловска); Леша Туров, сын Евгении Леонидовны Туровой; Витя Максимов, племянник Екатерины Васильевны Абрамович. Алексей Алексеевич Туров, ныне покойный, вспоминал, что никакие уговоры не могли заставить детей, уже теряющих интерес к жизни, двигаться, тогда им поручали работу – разгрести снег. Только это приводило к желаемому результату [5, с. 2].

«Служащие» карточки на хлеб передавались по наследству – от сотрудников, уехавших в эвакуацию, тем, кто остался. В. В. Лемус выехала из осажденного города в марте 1942 г. с огромным трудом. Существует официальная историческая справка, написанная Верой Владимировной, (до 1972 г. возглавлявшей научный отдел Екатерининского дворца), в 1980 г., по памяти, но ее письма к Е. Л. Туровой, с которой их связывала крепкая дружба, – особая страница, помогающая понять и увидеть эвакуацию с другой, неофициальной стороны (рис. 3).

Рис. 3. Конверт с почтовым адресом Е. Л. Туровой

В Сарапуле Вера Владимировна хранила экспонаты Екатерининского дворца-музея, как говорила она сама: «...190 посадочных мест», – но попала она в хранилище не сразу. Первоначально ее, больную и истощенную, отправили в Горьковскую область, в г. Дзержинск, и в первых письмах к Евгении Леонидовне, описывая условия жизни, она упоминает, что еще слишком больна и обессилена. Через две с половиной недели Нина (родная сестра В. В. – В. П.), забрала ее в деревню, в 20 км от Горького, где в тот

момент находилась в эвакуации. Рассказывая в письме от 8 апреля 1942 г. о жизни в деревне, В. В. отмечала: несмотря на то, что последние 10 дней у нее появилась большая работоспособность, идеологическая сторона жизни только начала вылезать на первый план и, прежде всего, выявлялась, кроме чтения, «...в желании работать – с одной стороны, и в обострении грусти – с другой» [5, с. 3].

Музейным работником, научным сотрудником Ленинградского хранилища музейных фондов, В. В. стала только с июня 1943, больше года проработав в Горьковской области, как она писала, «в сельском хозяйстве».

В одном из первых Сарапульских писем Е. Л. Туровой В. В. раскрыла свое отношение к эвакуации, которая была мерой необходимости для нее, так как еще 3 недели в Дзержинске она боролась со смертью: «... истинное содержание слова «эвакуация» может быть понято только тем, кто имел счастье купить себе жизнь за такую высокую цену. По собственному опыту и по впечатлениям от писем, могу сказать, что и в Горьковской области, и в Сарапуле, и в Новосибирске, и в Ленинске-Кузнецком, и в Джамбуле, и решительно везде эвакуированные переживают одни и те же чувства, но все «несчастливы по-своему» [5, с. 3].

В Горьком В. В. была рабочим и мечтала об интеллигентном труде и соответствующем окружении. В музейном деле в Сарапуле ей все казалось важным, интересным и прекрасным («...впрочем, и теперь продолжает казаться» – из письма), но, по ее словам, тогда она не могла представить, что у других может быть иное настроение, что прекрасное можно потопить в мелочах, что трудности и гадости в работе можно создавать в тихом углу, где нет ни бомб, ни снарядов, где такая работа, как у них, могла бы служить источником большой радости. Для В. В., например, такая работа, как вскрытие ящиков, всегда представляла большой интерес и напоминала «подарки с сюрпризами», особенно в тех случаях, когда к ящикам не было паспортов. С теплотой она вспоминала коллектив пушкинских дворцов, где главным было общее увлечение делом, общая «...не то что любовь, а страсть к дворцам и “садам прекрасным”».

В Сарапуле, как и в Новосибирске, велась непрерывная работа с художественными ценностями: распаковка ящиков и составление актов о наличии и сохранности вещей, их санитарная обработка, обеспечение в хранилище нормального режима температуры и влажности. Для проведения специальных реставрационных работ в Сарапуле не было условий (в отличие от Новосибирска), но профилактическая обработка предметов проводилась систематически, так как использованное при упаковке сено оказалось плохо просушенным и потребовалась срочная борьба с коррозией и очистка от ржавчины металлических экспонатов.

В каждом письме В. В. выражает недовольство политикой Михаила Александровича Легздайна [5, с. 4], считая его распоряжения своевольными и необоснованно жесткими, а заботу о сохранности музейных ценностей – своеобразной. (М. А. Легздайн, с 1942 по 1945 гг. – директор Центрального хранилища музейных фондов ленинградских дворцов-музеев в г. Сарапул).

Так, в темный осенне-зимний период для усиления охраны здания, которое круглосуточно охранялось постовым и на втором этаже которого находилась директорская квартира с телефоном, были введены дежурства музейных хранителей в канцелярии, что явилось для всех тяжелой и, по существу, ненужной работой.

Приказы по хранилищу, пересылаемые вместе с отчетами в Главное управление культуры Ленинграда, часто воспринимались как курьезные анекдоты: например, приказ «О возложении обязанностей по ловле мышей в хранилище на старшего научного сотрудника Н. И. Васильеву». Но тем, на кого возлагались эти приказы, было трудно.

В письме от 30 января 1944 г., В. В. поздравляет сотрудников, оставшихся в Ленинграде, с великим праздником – «...освобождением от обстрела и занятий наших пригородов» – и сообщает, что директор 24 января уехал в Ленинград, и теперь она исполняет его обязанности. «Момент довольно трудный – лошади, которые должны были возить дрова для хранилища, сбежали. 4 человека из штата были наняты на «скорую руку» перед самым отъездом барина и оказались тут всякие подозрительные...». Вместе с тем, она отмечает, что их стычки с Легздайном носили принципиальный характер, а лично он оказал ей много услуг, и переживает, удастся ли ей вернуться в Ленинград, так как в разговоре с директором она выразила это желание. О трудностях работы хранилища в этот период говорят строки из письма В. В. Лемус: «...Работников у нас мало, а дела ужасно много. При хорошем директоре работа могла бы быть очень интересной – создавать образцовое хранилище (!). Страшно не хватает ученых, консультантов и книг...» [6, С. 4]

Решение Ленсовета о эвакуации музейных ценностей приняли 25 июля 1945 г. Оно было связано с определенными трудностями: требовались упаковочные материалы, ремонт старых ящиков и изготовление новых и т. д. В этот период сестра В. В. Лемус, Нина Владимировна, была откомандирована в Москву, в результате чего отгрузили большую партию ящиков, переданных Третьяковской галереей, уже возвратившейся из Новосибирска. В. В. в то время руководила работой коллектива сотрудников в Сарапуле, М. А. Легздайн находился в Ленинграде [5, с. 4]: «Не имея необходимого опыта работы административно-хозяйственного плана, я была

встревожена свалившейся на меня ответственностью... И вот, разговаривая с директором завода пиломатериалов в Ижевске, я вдруг заметила, что не узнаю свой голос: так изменился он, когда выяснилось, что завод останавливается на два месяца... Нельзя закрывать завод сейчас! – взволнованно кричал в трубку мой новый голос. – Есть указания правительства! Вагоны бронированы! Ленинград ждет! И т. д и т. п. Не знаю, добились ли мы толку без помощи руководящих сарапульских организаций, но все устроилось так, как было нужно» [7, с. 4].

Первые пять вагонов были отправлены в Ленинград в конце октября 1945 г. в сопровождении старшего научного сотрудника И. Д. Карпович [7, с. 5]. Остальной груз вывезли в декабре 1945 г. В этом эшелоне ехали все сотрудники музейного хранилища, связанные с Ленинградом. Товарный поезд с 30 вагонами, заполненными ценным музейным грузом, прибыл на станцию Детское Село 25 декабря. Разгружали ящики и перевозили на машинах в Александровский дворец пленные немецкие солдаты.

С этого времени начинается новый этап в жизни пригородных ленинградских дворцов. В 1959 г. после проведенных восстановительных работ открылись первые залы Екатерининского дворца, и многие спасенные в войну шедевры вернулись на свои исторические места. Сохранить это национальное достояние в условиях военного времени оказалось делом очень сложным, поэтому оправдана наша гордость за то поколение музейных работников, которые в далекие 40-е смогли сберечь его для потомков. Эти люди относятся к истинным подвижникам музейного дела, которым пришлось не только хранить уникальные экспонаты из императорских дворцов, но спасти их в годы войны. Имена В. В. Лемус и Е. Л. Туровой, на основе личной переписки которых построена эта статья, а также всех остальных сотрудников, неразрывно связаны и с возрождением ансамбля пушкинских дворцов и парков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здесь и далее устные воспоминания И. Л. Гиринской-Сомовой. Записаны племянницей Ирены Леонидовны, Е. А. Туровой.
2. Леша, сын Е. Л. Туровой, племянник И. Л. Гиринской.
3. Из воспоминаний В. В. Лемус.
4. Устные воспоминания А. А. Турова.
5. Из архива семьи Туровых.
6. М. А. Легздайн, воспоминания.
7. Из воспоминаний В. В. Лемус